

УДК 343.81
ББК 67.409.021
У84

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ УТКИН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
директор юридического института
(Национальный исследовательский Томский
государственный университет)
E-mail: utkin@ui.tsu.tu.

ГИБРИДНЫЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ

Реферат: принятию нового уголовно-исполнительного законодательства России должен предшествовать новый закон об уголовно-исполнительной системе. Помимо прочего, в нем следует закрепить типовую модель исправительного учреждения. Такое учреждение не может быть тюрьмой в ее классическом варианте. Оно должно иметь гибридный, или мультирежимный, характер. Подобный подход вытекает из ряда авторитетных международных документов об обращении с заключенными. Однако требуется реформирование концептуальных основ исполнения лишения свободы в направлении перехода от «режима-наказания» к «режиму безопасности». В свою очередь, это невозможно без новых подходов к классификации осужденных и элементам самого режима.

Ключевые слова: исправительные учреждения; дифференциация отбывания наказания; реформирование уголовно-исполнительной системы.

С о времени вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса РФ принято 75 федеральных законов, внесших в него изменения или дополнения. Очевидно, что в каждом из них содержится отнюдь не единственная поправка. Например, в сфере действия Уголовного кодекса РФ таких законов издано уже 150, но так как статей в УИК РФ примерно в два раза меньше, то интенсивность такой корректировки законодательства примерно одинакова. В связи с этим стали уже общим местом суждения об утрате Уголовным и Уголовно-исполнительным кодексами РФ системности в правовом регулировании, о необходимости разработки и принятия нового законодательства в области борьбы с преступностью [1].

Принципиально важно следующее. Во-первых, такое законодотворчество должно осуществляться параллельно и комплексно: без модернизации всей системы наказаний преобразования в сфере его исполнения, скорее всего, окажутся «косметической» реформой [2]. Во-вторых, оно должно исходить из существующих реалий либо из ближайших возможных перспектив, а не из декларируемых законом «благих намерений», облакаемых в форму норм с отложенным (а фактически нередко с неопределенным) сроком введения в действие. И в этом плане печальный опыт ареста, ограничения свободы (в версии 1996 г.) и принудительных работ, наверное, должен был все же чему-либо научить. Наконец, следовало бы вначале принять новый закон об уголовно-исполнительной системе, определяющий, помимо прочего, типовые черты исправительных учреждений на обозримый период как своего рода

«материально-организационного базиса» формирования и развития «надстройки» – правовых основ порядка и условий исполнения наказаний в виде Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

Иными словами, едва ли правильно «ставить телегу впереди лошади». Без четкого научно обоснованного представления о модели, типах и структуре будущих исправительных учреждений невозможны сколько-нибудь значимые новеллы уголовно-исполнительного законодательства.

Как известно, попытка подобного представления (хотя едва ли должным образом научно обоснованного) содержится в утвержденной в 2010 г. Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Главная черта провозглашенных в Концепции изменений, по сути, сводится к отказу от охраняемых колоний как основного вида исправительных учреждений, переходу к содержанию основной массы осужденных к лишению свободы в условиях тюрем, каковых уже к 2016 г. планировалось построить свыше четырехсот. Другой вид предусмотренных Концепцией исправительных учреждений – колонии-поселения, не предполагающие изоляции и охраны осужденных.

Тем не менее, по официальной статистике ФСИН России, по состоянию на 1 сентября 2014 г. в 728 исправительных колониях России отбывали наказание 556,2 тыс. чел., и только 129 учреждений из них были колониями-поселениями, где отбывало наказание всего 40,2 тыс. человек (7 %). Что касается тюрем, то их число (8) не возросло ни на одну, а количество осужденных, отбывающих

наказание в тюрьме, минимально (1479 человек, то есть 0,2 %, а на тюремном режиме из них – всего 1072 человека). Причем по сравнению с 2010 г. (годом утверждения Концепции) число таких заключенных сократилось в 1,7 раза.

Отсутствие каких-либо заметных подвижек в «тюрьмизации» подтвердило справедливость упреков по отношению к ряду основных положений Концепции в нереалистичности и даже известном волюнтаризме [3]. Сейчас эта критика уже не является редкостью. В последнее время сделаны практические, хотя и не столь активные, шаги к корректировке содержания Концепции в направлении повышения ее реалистичности и обоснованности, что само по себе нужно только приветствовать.

Важным аргументом в обосновании многих принимаемых в последнее время концептуальных решений в сфере исполнения уголовных наказаний служат международные стандарты обращения с осужденными и деятельности уголовно-исполнительной системы. Однако во многих случаях обращение к ним носит явно «ритуальный» характер или нередко труднообъяснимо по существу. Обратимся вновь к Концепции.

В числе основных ее целей – повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития. Оставив в стороне некие туманные потребности общественного развития, обратим внимание на очевидную декларативность ссылки на европейские стандарты эффективности. Каждый, кто знаком с соответствующими международными актами, подтвердит, что ни европейских, ни вообще международных стандартов эффективности просто нет, как нет европейских или международных тюрем «вообще», а есть тюрьмы каждой конкретной страны.

Эффективность всех пенитенциарных учреждений может быть определена лишь в самом первом приближении как степень их способности успешно готовить осужденных к ресоциализации. Об этом четко говорят Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г. (ст. 58): «Целью и оправданием приговора к тюремному заключению или вообще к лишению свободы является в конечном расчете защита общества от угрожающих ему преступлений. Этой цели можно добиться только в том случае, если по отбытии срока заключения и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечивать свое существование». В этом аспекте наиболее общим (интегративным) показателем эффективности уголовно-

исполнительной системы принято считать уровень криминологического рецидива, то есть количество (долю) лиц, совершивших преступления после отбытия наказания. В отечественной криминологической литературе принято этот показатель рассчитывать исходя из трех лет после освобождения. Практика показывает, что ныне такой рецидив довольно высок (во всяком случае, выше, чем в 70–80-е годы прошлого века). По подсчетам томских ученых, он составляет в целом примерно 48 %, в том числе 30 % среди освобожденных из колоний общего режима и более 50 % – из колоний строгого режима [4].

Что же европейские стандарты эффективности? Обратившись к практике зарубежных тюрем, обнаружим, что, например, в тюрьмах Франции постпенитенциарный рецидив составляет до 60 %. Понятно, что сами по себе способы подсчетов едва ли однозначно сопоставимы, да и доля осужденных к реальному лишению свободы в Западной Европе гораздо ниже: (10–15 % в отличие от 29–30 % в России). Но стоит ли в данном отношении нам стремиться к достижению пресловутых «европейских стандартов» эффективности? В связи с этим понятно, что о европейских (и вообще – о международных) стандартах справедливо говорить не в контексте их «эффективности», а в плане предусмотренных ими принципов и рекомендаций обращения с осужденными, средств обращения, стандартов управления пенитенциарными учреждениями, деятельности их сотрудников и контроля за функционированием уголовно-исполнительной системы.

Следует отметить, что в Концепции упоминается необходимость разработки основанных на стандартах Европейских пенитенциарных правилах (2006 г.) моделей тюрьмы и колонии-поселения. Между тем ни в упомянутом, ни в иных международных документах не содержится конкретных моделей, стандартов построения ни тюрем, ни колоний-поселений. Есть лишь наиболее общие принципы построения и функционирования пенитенциарных учреждений. Как отмечено в преамбуле Европейских пенитенциарных правил, в их деятельности следует учитывать требования безопасности, порядка и дисциплины при одновременном обеспечении таких условий содержания, которые не ущемляли бы достоинство человека и предоставляли возможность включения в полезные занятия и проведения для заключенных соответствующих программ с целью их подготовки к возвращению в общество.

Что же касается структурирования пенитенциарных учреждений, то здесь признаются одинаково приемлемыми оба варианта организации: от-

дельные учреждения либо учреждения гибридного, или мультирежимного, типа. Еще Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (ст. 8) указывали предельно конкретно, не отдавая предпочтения ни одному из вариантов: «Различные категории заключенных **содержатся в различных заведениях или в разных частях того же заведения** с учетом их пола, возраста, предшествующей судимости, юридических причин их заключения и предписанного обращения с ними (выделено нами. – В. У.)».

Четко проводя принцип раздельного содержания ряда категорий заключенных, Европейские пенитенциарные (тюремные) правила 1987 г. также исходили из возможности и целесообразности мультирежимных учреждений. В ст. 13 Правил отмечалось, что «необходимо, по мере возможности использовать **разные учреждения или раздельные помещения в рамках одного учреждения**, чтобы облегчить применение **различных режимов содержания** и распределения заключенных в соответствии с выделенными категориями (выделено нами. – В. У.)». При этом «необходима гибкая система распределения осужденных по исправительным учреждениям или их отделениям (ст. 67.1)».

Рассматривая перспективы имплементации Европейских пенитенциарных правил 1987 г. в уголовно-исполнительную систему России еще до принятия Уголовно-исполнительного кодекса РФ 1996 г., автор этих строк писал, что, хотя развитие «тюремных начал» в российской системе исправительных учреждений – процесс объективный, тем не менее «в обозримом будущем едва ли произойдет полное поглощение исправительно-трудовых (либо аналогичных им учреждений) тюремными. Причем не только по экономическим причинам... Будущие места лишения свободы в России в большинстве своем воплотят в себе черты тюрьмы и колонии, превратившись в учреждения гибридного типа [5]. Как видим, последующее развитие законодательства, появление и развитие мультирежимных учреждений, включающих в себя, с одной стороны, помимо прочего, помещения, функционирующие в режиме тюрем (ПФРТ), и с другой – участки колоний-поселений, подтвердили правильность этого прогноза, причем данную позицию стали разделять и отдельные руководители ФСИН России. Как признал один из заместителей директора службы, на основе опыта развития европейской и российской пенитенциарных практик оптимальным и перспективным в этом направлении является создание так называемых гибридных, или мультирежимных, учреждений [6].

В отличие от Правил 1987 г. принятые в 2006 г. новые Европейские тюремные правила сосредото-

ны преимущественно на управленческих аспектах деятельности мест лишения свободы. При этом «для лучшего управления различными режимами для конкретных категорий заключенных должны использоваться **отдельные пенитенциарные учреждения или отдельные отделения пенитенциарных учреждений** (ст. 104.1) (выделено нами. – В. У.)».

Таким образом, международные акты вполне допускают и даже предполагают полиструктурность и связанную с ней мультирежимность пенитенциарных учреждений. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что и термин «тюрьма» в международно-правовой интерпретации имеет, как минимум, три не совпадающих по содержанию значения. Во-первых, он обозначает всякое учреждение, обеспечивающее изоляцию от общества. Например, как указано в ст. 46 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, «тюремная администрация должна неустанно прививать своим сотрудникам... убеждение в том, что они выполняют работу большого общественного значения». При этом «тюрьмы должны иметь достаточные размеры для того, чтобы в них можно было обеспечивать должные возможности и обслуживание (п. 4 ст. 63)».

Во-вторых, тюрьма означает способ пространственной организации внутреннего режима, обеспечивающий прежде всего надлежащий уровень цивилизованности отбывания лишения свободы и уважение личного достоинства заключенных. Это, по мысли авторов международных документов, может быть достигнуто именно камерным их содержанием. Как указано в п. 1 ст. 18.1 Европейских пенитенциарных правил, «размещение заключенных... должно производиться с уважением человеческого достоинства и с обеспечением возможности уединения». При этом заключенных обычно следует размещать на ночь в отдельных камерах (п. 5 ст. 18.1). Еще более четко это определяется в Минимальных стандартных правилах ООН (п. 1 ст. 9): «Там, где заключенные ночуют в камерах или комнатах, каждый из них должен располагать отдельной камерой или комнатой».

Наконец, в-третьих, тюремное заключение понимается как использование в качестве наказания и элемент структуры пенитенциарных учреждений (тюрьма как средство наказания, устрашения и обеспечения безопасности). Обратим внимание на п. 5 ст. 57 Европейских пенитенциарных правил 2006 г.: «Одиночное заключение должно использоваться в качестве наказания только в исключительных случаях и на конкретно установленный срок, который должен быть как можно короче».

Очевидно, что в отечественной уголовно-исполнительной системе «вектор тюрьмы» как направление ее реформирования ныне понимается и

реализуется преимущественно по третьему варианту. Таково традиционно сложившееся восприятие тюрьмы и в сознании большинства сотрудников уголовно-исполнительной системы. В итоге провозглашенная в Концепции всеобщая «тюрьмизация» была обречена на неудачу, помимо экономических причин, явным неприятием ее профессиональным сообществом, ведь это противоречило активно внедряемым в деятельность сотрудников гуманистическим подходам и ценностям.

Тем не менее в структуре гибридного учреждения участки тюремного типа вполне имеют право на существование и успешно функционируют в виде ШИЗО, ПКТ, СУС, ПФРТ и т. д. Важным практическим шагом к созданию полноценной модели такого учреждения следует признать и проводимый ныне в ряде субъектов Федерации эксперимент по созданию так называемых исправительных центров, территориально и организационно объединяющих в себе осужденных нескольких отрядов. Данный опыт заслуживает самого пристального анализа.

Наконец, если исходить не из внешних атрибутов лишения свободы, а из необходимости рефор-

мирования концептуальных основ его исполнения, то дальнейшей легитимизации гибридных исправительных учреждений как учреждений основного (типового) вида должно предшествовать конструктивное изучение целого ряда важных аспектов деятельности и атрибутов учреждений нового типа. Это, во всяком случае, подразумевает:

– организационно-архитектурные типы построения пенитенциарных учреждений в мире (с максимальным приближением к существующим типам и возможностям);

– способы и методы диагностики личности осужденных с перспективой определения им конкретного вида режима не судом, а администрацией учреждения;

– критерии (основания) дифференциации осужденных при первичной и последующей их классификациях;

– правовые средства дифференциации режима отдельных структурных частей «гибридного» учреждения при том, что, например, такой ее элемент, как дифференциация числа посылок, передач, свиданий осужденных, явно устарела.

Список литературы

1. Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели // Материалы VII Рос. конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). М., 2012.
2. Уткин В. А. Основание и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 127–130.
3. Селиверстов В. И. Тюрьмы не должны быть основным видом наказания // Независимая газета. 2012. 2 окт.
4. Городнянская В. В. Постпенитенциарный рецидив : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. С. 15–16.
5. Уткин В. А. Европейские тюремные правила и проблемы их реализации. Томск, 1996. С. 50–51.
6. Колесник Н. В. Современное состояние и основные векторы развития российской уголовно-исполнительной системы // Материалы Междунар. пенитенциар. форума «Преступление, наказание, исправление». Рязань, 2013. С. 17.

VLADIMIR ALEKSANDROVICH UTKIN,

honored lawyer of the Russian Federation,
doctor of jurisprudence, professor, director of Legal institute
(National research Tomsk state university)
E-mail: utkin@ui.tsu.tu.

HYBRID CORRECTIONAL FACILITIES AND INTERNATIONAL STANDARDS

Annotation: the new law of criminal and executive system has to precede adoption of the new criminal and executive legislation of Russia. In addition, it is necessary to fix standard model of correctional facility in it. Such institution cannot be «prison» in its classical option. It has to have «hybrid» or «multiregime» character. Similar approach follows from a number of authoritative international documents on the treatment of prisoners. However reforming of conceptual bases of execution of imprisonment in the direction of transition from «mode punishment» to «the safety mode» is required. In turn, it is impossible without the new approaches to classification condemned and to elements of the mode.

Key words: correctional institutions, differentiation of serving a sentence, reforming of penal system.

References

1. Sovremennaja ugolovnaja politika: poisk optimal'noj modeli [Modern criminal policy: search of optimum model]. Materialy VII Rossijskogo kongressa ugolovnogo prava [Proc. the VII of the Russian congress of criminal law]. Moscow, 31 May – 1 June, 2012.
2. Utkin V. A. Osnovanie i puti modernizacii sistemy nakazaniy [Osnovaniye and ways of modernization of system of punishments]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk state university, 2011, no. 349, pp. 127–130.
3. Seliverstov V. I. Tjur'my ne dolzhny byt' osnovnym vidom nakazaniya [Prisons should not be a main type of punishment]. Nezavisimaja gazeta – The Independent newspaper, 2012, 2 October.
4. Gorodnjanskaja V. V. Postpenitsiarnyj recidiv. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Postpenitentiary recurrence. Cand. Legal sci. diss. abstract]. Tomsk, 2011, pp. 15–16.
5. Utkin V. A. Evropejskie tjuremnye pravila i problemy ih realizacii [European prison rules and problems of their realization]. Tomsk, 1996, pp. 50–51.
6. Kolesnik N. V. Sovremennoe sostojanie i osnovnye vektory razvitija rossijskoj ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Current state and main vectors of development of the Russian criminal and executive system]. Mezhdunarodnyj penitentsiarnyj forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» [Proc. the International penitentiary forum «Crime, Punishment, Correction»]. Ryazan, 2013, p. 17.